

Он был дружен с великим князем, поэтом К.К. Романовым (К. Р.), поэтами Семёном Надсоном, Константином Бальмонтом, поэтом и прозаиком Иваном Буниным, философом и поэтом Владимиром Соловьёвым, его стихами восторгался Афанасий Фет. Кругом его общения были Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Александр Блок, Мирра Лохвицкая, Андрей Белый, Надежда Тэффи, Татьяна Щепкина-Куперник, Дмитрий Мамин-Сибиряк, Антон Чехов и многие другие. Он был завсегдатаем «Обедов беллетристов» и поэтических «Пятниц Случевского». Современники называли его «художником живого слова», «крымским Лермонтовым», друзья так говорили о его стихах:

Как стихи напишет Шуф —
Почитаешь, скажешь: уууфф!

Но сегодня имя его известно единицам. В истории российской словесности имя этого замечательного литератора предано забвению. До недавнего времени даже точная дата его рождения была неизвестна.

Владимир Александрович Шуф — поэт-мечтатель, поэт-романтик, репортёр, публицист, путешественник, — родился в Москве в семье обрусевшего немца в 1865 году. Прадед Шуфа

был приглашён в Россию императрицей Елизаветой на должность библиотекаря, за прилежание и честный труд был произведён в дворяне.

Уже в гимназии у Владимира Шуфа проявляются поэтические дарования. И уже тогда у Владимира обнаружили признаки туберкулёза лёгких. Болезнь вынудила уехать его в Ялту, где был куплен клочок земли с домиком.

Во время пребывания в Крыму Владимир Шуф сошёлся с Османом Мамутом, который сыграл немалую роль в его жизни, познакомив с мистическими легендами Крыма и научив крымско-татарскому языку. Овладев им, Шуф начал собирать местный фольклор и занялся переводами крымско-татарских песен.

В 1884 году в газете «Неделя» появляется первое стихотворение 19-летнего поэта. В том же году от туберкулёза умирает отец Владимира, и тогда же Владимир женится на Юлии Ильиничне из небогатой интеллигентной семьи. Её мать была двоюродной сестрой композитора Глинки.

В 1890 году поэт издаёт первый сборник своих стихов — он так и называется: «Крымские стихотворения».

Видишь там среди тумана,/ Сквозь ночную мглу,/ Чатырдага-великана/ белую чалму?/

На груди его могучей/ Ветер, дух небес,/ Словно бороду, дремучий / Колыхает лес.

И склонив на землю око / С мрачной высоты,
Сторожит он одиноко/ Горные хребты.

И один орёл могучий/ Взмахами крыла
Чёрных дум свеваёт тучи / С грозного чела. («Чатырдаг»)

В сборник вошли и поэтические переводы крымско-татарских песен.

В августе 1892 года в «Вестнике Европы» появляется большая лирическая поэма Шуфа «Баклан». С поэмой «Баклан» связан конфуз Антона Павловича Чехова. В 1888 году Чехов впервые приез-

Владимир Шуф.
Начало XX века

жает в Крым. Неизвестно, как произошла встреча Чехова с Шуфом, но она произошла. Шуф сопровождал Чехова в поездке по Крыму — Форос, Симеиз, Алушка, Ялта, в Балаклаве ловил с ним рыбу. Как знать, возможно, рыбалка подвигла 27-летнего Шуфа заявиться к 32-летнему Чехову в Мелихово с поэмой «Баклан»? Чехов посоветовал Шуфу поэм больше не писать, а в 1892 году в письме редактору «Нового времени» Алексею Суворину охарактеризовал поэму «дрянью ужасной и притом сплошь глупой». Каково же было раздражение Антона Павловича, когда в том же 1892 году он видит «Баклана» в «Вестнике Европы», к тому же — тепло встреченного критикой и восторженно — Афанасием Фетом и Владимиром Соловьёвым!

Скука маленькой тогда провинциальной Ялты была Шуфу в тягость. Наблюдая курортную жизнь, он характеризовал её как «пошное, грязное болото». Светлым пятном осталась лишь его недолговременная дружба с поэтом Надсоном, который вскоре умирает.

Оправившись от болезни, Владимир Шуф поступает на службу в Симферопольскую казённую палату, но служба тяготит его.

Об этом периоде в поэме в септимах «Гортензия» он пишет так:

В провинцию заброшенный злым роком
(Советник тайный этим роком был),
Я года два с усердием служил
В одном губернском городе далёком.
Взирало на меня, цenia мой пыл,
Моё начальство благосклонным оком,
И я чернила проливал потоком.

II

С наследственных имуществ наугад
Высчитывал я пошлины и пени,
Презрев наследников мольбы и пени.
Был невелик мой месячный оклад.
Пройти служебной лестницы ступени
Не довелось мне, в чаянье наград,
И из меня не вышел бюрократ.
Не награждённый чином, гемorroем,
Без пенсии, — с чернильницей одной,
И не украсив список послужной,
Сей лист с печатями, на коем

Изображён весь жребий наш земной.
В отставке наслаждаюсь я покоем,
Хоть наслаждаться часто не легко им.

III

Чтоб обеспечить жизнь детей, жены
В Воронеже, в Калуге или Туле,
Всё в той же позе и на том же стуле
Лет тридцать пять мы просидеть должны.
Мы в юности про жизнь мечтаем ту ли?
Но рок суров, и молодые сны
Мечтой о пенсии побеждены.
Но я, увы! — во вред душе и телу
(Простятся ль мне столь тяжкие грехи?)
На службе даже сочинял стихи.
Я воспевал любовь и Филомелу,
А в докладной писал тьму чепухи.

В 1892 году, оставив жену и двоих детей в Ялте, Владимир Шуф вместе с Османом переезжает в Петербург, где вливается в семью сотрудников рабочей газеты «Петербургский листок». Некоторое время он был и её редактором.

Знакомство с Фетом и дружба с Владимиром Соловьёвым выводят поэта на более широкий путь. К этому периоду относятся его сочинения в прозе «Могила Азиса» и уже упомянутые «Крымские стихотворения».

Журчащая река в течение прихотливом,
Темна и глубока, затихла над обрывом.
Склонились ивы к ней. Безмолвна глубина.
В тени вода черней и, мнится, нет в ней дна.
Здесь омут, говорят. Пучину прикрывая,
Кувшинок жёлтых ряд, гирлянда их живая
У берега цветёт. Вода зовёт в тиши...
Страшней пучины вод есть омуты души.
Здесь не расти цветам. На чёрном дне — сомненье.
И счастье, если там не скрыто преступленье. («Омут»)

В эти же годы поэт «обзаводится» второй женой, — он женится на певице Марии Ивановой, которая была старше его на 10 лет, причём жёны поэта не знали о существовании друг друга. Да что — жёны?! Ни друзья, ни церковь, ни потомки не предполагали, что поэт был двоеженец. Тайна открылась лишь в 2009 году!

В 1897 году Владимир Шуф отправляется на греко-турецкую войну как военный корреспондент от «Петербургского листка», с ним поехал и его верный «оруженосец» Осман. Через полтора месяца Осман и Шуф были заподозрены в шпионаже в пользу турок и арестованы. Они были преданы военно-полевому суду, приговорены к расстрелу, в последний момент чудом избежали его и под покровом ночи в крытой карете добрались до ближайшего порта... словом, они благополучно вернулись в Петербург.

Итогом поездки Владимира Шуфа на греко-турецкую войну стала книга «Записки военного корреспондента». В этой книге, в частности, Шуф пишет следующее: «...русским не стоит обольщаться надеждой, что вмешательство России в переговоры о мире, принёсшие столько выгод грекам, будет оценено в Афинах. Ни благодарности, ни симпатии со стороны греков ждать нечего. Теперь, когда подписан выгодный для Греции мир, ... в Афинах рисуют всё те же карикатуры на северного медведя, дрессируемого Англией, и прохаживаются насчёт русской культуры. Ненависть к русским настолько сильна до сих пор, что ... русские матросы с наших военных судов принуждены разгуливать в Пирее под ружьём, и лодки, высаживающие матросов на берег, снабжены пушкой. Было несколько прискорбных случаев нападения на русских моряков.

Исключительно заступничеству России, стоявшей во главе европейского соглашения, обязана Греция тем, что вся не превратилась в развалины, подобные Акрополису, на котором не раз пировали турецкие паши».

В 1898 году Владимир Шуф вместе со своим неизменным спутником Османом снова едет на юг в статусе придворного корреспондента «Петербургского листка» при штабе императора Вильгельма во время поездки того в Палестину, Сирию, Иран, Иорданию, Египет; был награждён орденом. Итогом поездок стала книга очерков «На Востоке».

Шуф уже был известен как автор блистательного, искромётного романа в стихах «Сварбóгов». В этом романе поэт издевается, иронизирует, насмешничает над скучающей, фальшивой петербургской богемой, рисуя её в притворно-салонных правилах Петербурга и в реалиях разгульного ялтинского курорта. Столп российской журналистики, основатель и редактор знаменитой газеты «Новое время» Алексей Суворин попеняет Шуфу, что он, де, подражает Пушкину. Но подражание выражалась только в схожести построения романа.

В романе, как и у пушкинского «Евгения Онегина», 8 глав.

Как и у Пушкина, роман назван именем главного героя.

Как в образе Онегина Пушкин хотел показать образ героя своего, пушкинского, времени, так и в образе Дмитрия Сваро́гова Шуф рисует образ своего современника.

...Партий чуждый по рассудку,
Свой имея идеал,
Меж друзей себя он в шутку
«Здравомыслящим» назвал.
— Эта партия в России, —
Он шутил, — не велика! —
Либеральные витии
И бойцы «за мужика»,
Радикалы, ретрограды,
Наших западников хор —
Возбуждали смех досады,
Скуку в нём или задор.
Но воитель не суровый,
Чужд он был вражде пустой,
И «врагов» сзывал в столовой
Он на ужин холостой. («Сварогов». Гл. 2. XVIII)

У Пушкина — противопоставление высшего света Петербурга и Москвы.

У Шуфа — высший свет в условиях Петербурга и в реалиях Ялты, курорта.

У Пушкина дуэль Онегина с Ленским.

У Шуфа — Сваро́гова с Осталоповым. Разница в том, что у Пушкина дуэль на пистолетах, у Шуфа — на рапирах.

Но если у Пушкина Онегин — это равнодушие к жизни, к наслаждениям, то у Шуфа Дмитрий Сваро́гов — мечтатель, романтик, лихой наездник. Сваро́гов — это сам Шуф.

Пью в честь женщин, пью в честь милых,
Если честь у милых есть! —
Поспешил, пока был в силах,
Дмитрий тост свой произнести. —
Пью за Веру и Софию, / И за Юлий двух я пью, /
За Марину и Марию / И за Лидию мою!
Пью за Анну, Лизу, Нину, / Пью за Анну с Ниной вновь,
За Татьяну, Антонину, / За Надежду и Любовь! —
Всё хмельней идёт попойка / И кружится голова.
Двух приятелей мчит тройка / От Кюба на острова.
(«Сварогов». Гл. 2. XXXIII)

С 1900 по 1902 год поэт живёт в Одессе, работает в газетах «Одесский листок» и «Одесские новости». Однажды тонул в море и был спасён матросами.

В 1902 году Владимир Шуф вместе с художником И.А. Владимировым (1869–1947) был командирован от «Петербургского листка» на землетрясение в Шемахе², где едва не погибает в расщелине треснувшей земли. На обратном пути, сидя в вагоне, Шуф создаёт яркую поэтическую картину, поэму «Сальфа. Гибель Шемахи», в которой представил ужасы землетрясения и разрушения цветущего города. Все деньги от издания книги Владимир Шуф передаёт в пользу пострадавших от землетрясения.

Редакторы многих газет и журналов считали за честь сотрудничать с талантливым литератором. В 1902 году Алексей Суворин приглашает Владимира Шуфа в редакцию «Нового времени», где тот и работал до последних своих дней. В эти годы он посещает Париж, Берлин, как военный корреспондент — Дальний Восток. На русско-японской войне ему неоднократно доводилось бывать под огнём, едва не попал в плен.

Результатом пятимесячной поездки стали «Воспоминания о Маньчжурской войне» и автобиографический, антиреволюционный роман в прозе с символическим названием «Кто идёт?». Роман вышел в 1907 году. В этом романе поэт поведал не только о героизме и лишениях русского воинства в русско-японской войне 1905 года, но и предсказал, что Россию ждут кровь, смерть, грабежи, падение культуры, если к власти придут большевики.

Среди толпы бушующей народа,
Кроваво-красных, траурных знамён
Явилась мне желанная свобода,
Моим мечтам когда-то милый сон.

Обманчивый, о воле лгал мне он...
В огне зари, в пожаре небосвода
Она неслась, как буря, как невзгода,
И трупами был путь загромождён.

Толпа убийц, служившая ей верно,
За нею шла, и кровь с мечей текла.
Кругом свершались казни без числа.

---

² Шемахи́ (Шемаха́; азерб. Şamaxı [шамахи]) — город в Азербайджане, административный центр Шемахинского района. Расположен в юго-восточных предгорьях Большого Кавказа на высоте 800 метров над уровнем моря, на автодороге Баку — Тбилиси. *Прим. ред.*

Она была, как ненависть, безмерна
И голову немую Олоферна,
Юдифи дар, за волосы несла. («Революция»)

...После войны поэт написал более двухсот сонетов, которые в 1909 году вместе с произведениями И. Бунина и А. Куприна были выдвинуты на Пушкинскую премию, заслужили подробного разбора великого князя и поэта К.К. Романова и удостоились Комиссией почётного Пушкинского отзыва.

Ночь южная, роскошная царица,
Алмазных звёзд рассыпала венцы,
И хор цикад о том, что сердцу снится,
Поёт цветам, летят любви гонцы.

Весь сад звучит, как цитра. Вереница
Прозрачных туч одела сказ зубцы
И будит ночь, фонтаны и дворцы
Цикады песнь... Вдруг смолкнула певица.

И сразу всё затихнуло вокруг,
Оборвалась ночная серенада,
Под лаврами дрожит последний звук,

То, запоздав, откликнулась цикада.
В цветах глициний дремлет знойный юг.
Лишь поцелуй звучнее в чаще сада. («Цикады»)

Из двух сотен сонетов великий князь выделил 50 — «изящных по мысли и изложению. В наше время, когда истинная поэзия большая редкость, — писал великий князь К.К. Романов, — нельзя не радоваться появлению хороших стихотворений. Если бы г. Шуф предстал перед нами с одними эти 50-ю сонетами, мы должны были признать в нём истинного поэта».

Современный литератор Максим Швец отмечает, что «лёгкость, стройность, блистательность, изящество и тонкая ирония — отличительные черты поэтики и просодии Владимира Шуфа».

Был вечер тих, сады благоухали
И яблони стояли все в цвету.
В последний раз, исполненный печали,
Родной земли я видел красоту.

Я уезжал в неведомые дали,
Где дни тревог, где злые бури ждали,

А соловей в сиреневом кусту
Пел молодость, и счастье, и мечту.

Довольно грёз! Я знал все сердца муки,
И на моём обманчивом пути
Цветам весны беспечно не цвести.

Пел соловей... полны тоской разлуки
Неслись в саду пленительные звуки.
Сад говорил мне доброе «прости!» («Прости»)

Особой похвалы удостоилась и поэма «Баклан».

В 1910 году поэт снова на греко-турецком фронте, а по возвращении участвует в первом испытании автомобилей-грузовиков, пройдя на офицерском автомобиле от Петербурга до Севастополя. Походная жизнь, тяжёлые переживания отступления серьёзно подорвали его силы. И, тем не менее, в конце 1911 года Владимир Шуф отправляется в свою последнюю дальнюю командировку от газеты «Новое время» — в составе военно-автомобильной команды принимает участие в автомобильном пробеге Петербург — Персия. Вернулся Владимир Шуф из Персии совсем больной и, едва передвигая ноги, уехал в Ялту.

...Творческий путь Шуфа так тесно связан с его путешествиями, что и разделить их трудно. Романтическая мечтательность поэта и зоркий взгляд репортёра дополняли друг друга. Поэт-лирик чутко отзывался на все проявления жизни. Путешествуя, он отражал в своих стихотворениях путевые впечатления и переживания. Он овладел всеми стихотворными формами, а древний гекзаметр сделал лёгким и певучим.

В предисловии к его сборнику «Гекзаметры» Н. Энгельгардт писал:

«<...> Вы взяли древний гекзаметр и окрылили его рифмами на концах и на цезурах. Вы надели золотой пояс и золотые цепи на вольного сына Эллады... <...>... золотые кольца-рифмы на ваших гекзаметрах красивы. Вы ... поставили рифмы в закон ваших гекзаметров и, сохранив ему античную пластичность, придали ещё романтический блеск и перезвон, надев на него “золотой пояс двойной рифмы”».

Ненависть, дружбу, любовь
в свой черёд мы с тобой пережили.

Ныне мне мир приготовь, —
отняла его прежде не ты ли?

Знойно узнали мы страсть, поцелуи,
блаженство объятий...
Счастья нам данную часть
мы купили ценою проклятий.
Ревность, обида измен, —
и любви улетевшей не стало.
Ненависть шла ей взамен,
и друг друга щадили мы мало.

Много простилося с тех пор, раны зажили...
В час новой встречи
Вижу участливый взор,
слышу вновь утешение речи.
Так от безумства страстей
исцелило нам душу страданье.
Чудится в дружбе твоей мне
любви отдалённой сиянье.

(«Последняя встреча»)

Стихи, поэмы, корреспонденции, фельетоны, басни, эпиграммы, рассказы и юморески этого недоучившегося по болезни, не окончившего гимназии литератора, большого знатока античности и средневековья, полиглота, с удовольствием публиковали многие и многие газеты и журналы. Шуф сотрудничал более чем с 20-ю изданиями. В «Музыкальной газете» вёл критическую колонку. На его стихи писали романсы, кантаты. Знание четырёх языков позволяло Шуфу переводить с немецкого, английского, французского, крымско-татарского, в частности: с английского сонеты Шекспира, с немецкого — поэзию Кернера. Шуфу принадлежит перевод с французского стихотворения Лермонтова, которое Михаил Юрьевич посвятил французской писательнице мадам Оммель де Гелль.

Отдельного разговора заслуживает юмор Владимира Шуфа. Юмора в его произведениях — край непочатый. Его ум всегда остёр и скептически настроен.

У лукоморья дуб зелёный / И вензель есть на дубе том
(его чертил кадет влюблённый). / Так гриб белеет под кустом,
Там на невидимых дорожках / Скамеек нет, нет фонарей.
Избушку там на курьих ножках / Я снял без окон, без дверей.
С супругой бабою-ягою / Я жизнью там живу благою,
На службу в город езжу зря — И поезд мчит богатыря.

Там чудеса, там жулик бродит, / Соседка в гамаке лежит,
Тоска там адская находит.../ Зато полей любезен вид.
Там горожанин в скуке чахнет —

Там дачный дух, там дачей пахнет. («Дачный пролог»)

* * *

Пила целый праздник родимая Русь, —
Руси есть веселие пити, —
А сколько пила, я решить не берусь:
Не хватит в фантазии прыти.

Бочонков от пива и вёдер вина
И водок различнейших штофы,
Наливок, настоек не вложишь сполна
В короткие, звучные строфы.

Один пономарь мне рассказывал сам,
(С причётником шёл он, заикой)
Как змей, цветом зелен, взлетел к небесам,
Простёршись над Русью великой.

Дубравы, и степи, и Волгу реку
Одел он своими крылами.
И рёк пономарь, направляясь к шинку:
«Святые угодники с нами!»

Но тут, спотыкнувшись — попутал, зная, враг,
Нечистому всё на забаву, —
Упал пономарь одесную³ в овраг,
Причётник — ошую, в канаву.

Часто писал он и чисто юмористические вещи, не гнушаясь пародией на современников и классиков. Да, остёр на язык был Шуф. Сам же поэт характеризовал себя так: «*Был сердцем слаб — / Погиб от баб!*».

Умер Владимир Александрович Шуф — приверженец пушкинско-лермонтовских традиций, заставший конец Золотого века поэзии и приход Серебряного, в ноябре 1913 года в Ялте на руках одной из двух своих жён в окружении детей.

Так сложилась жизнь, что у Владимира Шуфа было две семьи. Одна в Ялте, вторая — в Санкт-Петербурге. Наверное, не только в творчестве стремился поэт объять необъятное, и никогда не со-

³ Одесную — вправо, ошую — влево. *Прим. ред.*

средотачивался на одном. Тем не менее, мотив одиночества звучит в его строчках так часто, что вряд ли может считаться только данью романтической традиции.

Любить — страдать... Зачем запас богатый
Страданий умножать? Любовь к жене,
К малюткам-детям нам сулит утраты,
Их горечью несчастны мы вдвойне.

Не лучше ли с собой наедине
Печально жить и ждать с судьбой расплаты?
Ведь слёз своих с избытком хватит мне.
К чему нам дружба, лары и пенаты?

Я одинок. Но сердцу моему
Гробницы счастьем дороги и милы, —
Моей любви безмолвные могилы.

Их памяти, искусству и уму,
Несвязанный, отдам остаток силы.
Жить, умереть — спокойней одному. («Одиночество»)

Могила Владимира Шуфа утеряна, но известно, что поэт похоронен на Массандровском (Поликуровском) кладбище Ялты.

Окончен путь. Скитаясь одиноко,
Искал любви, искал я веры там,
Где древний мир постигнут властью рока.
В Элладу шёл я к мраморным богам...
Я был в краях пустынного Востока,
Где Будда спит, где молится Ислам,
И вновь пришёл к библейским берегам,
На Иордан, в тень листьев у потока.
Я зачерпнул воды в палящий зной
И утолил души моей страданья.
Я Господа обрёл среди блужданья.
Окончен путь — тяжёлый путь земной.
Тревоге чувств, сомненьям отдал дань я...
Я верую, я вижу край иной. («Иордан»)

Остаётся сожалеть, что творчество этого в высшей степени талантливого литератора, выдающегося поэта-лирика, поэта-романтика почти не известно русскому читателю.